

Ольга Балла-Гертман: «Синестезия, строго говоря, – не способность, а всего лишь особенность восприятия»



Родилась в 1965 году, окончила исторический факультет Московского педагогического университета. Журналист, книжный обозреватель, эссеист, литературный критик. Заведующая отделом критики и библиографии журнала «Знамя», заведующая отделом философии и культурологии журнала «Знание – сила». Автор статей, эссе, интервью в многочисленных периодических бумажных и электронных изданиях, среди которых – «Вопросы философии», «Знание – сила», «Известия», «Иностранная литература», «Независимая газета», «Неприкосновенный запас», «Новая газета», «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Огонёк», «Первое сентября», «Российская газета», сайт радио «Свобода», «Семь искусств», «Частный корреспондент» и др., в том числе под именами Ольга Гертман, Ольга Балла-Гертман и псевдонимом Ирина Шварц, предисловий к книгам, автор сборников эссе: «Примечания к ненаписанному» (В 3-х томах, Franc-Tireur, USA, 2010), «Упражнения в бытии» (М.: Совпадение, 2016) и «Время сновидений» (М.: Совпадение, 2018), а также единственной поэтической публикации в газете «Маяк» Пушкинского района Московской области.

Когда и как вы узнали, что обладаете синестезией, каковы об этом ваши первые воспоминания? Как сильно синестезия влияет на то, как вы осознаете и понимаете себя и свое творчество? Оказывает ли синестезия еще какое-то влияние на вашу жизнь, помимо занятий искусством и творчеством? Есть ли еще что-то необычное или малопопулярное, что вы усматриваете в работе своего сознания?

Насколько я могу вспомнить, лет в 12 я с изумлением узнала о том, что, оказывается, другие люди не чувствуют цвета звуков, букв и цифр (а также иных, побочных, но неотменимых и устойчивых их характеристик, которые я теперь назвала бы «фактурными» или «органолептическими»: влажности / сухости, вкуса, гладкости / шершавости и т.п.). Помню, что это вдруг выскочило во время разговора с кем-то совсем о другом в пионерском лагере и оставило меня в недоумении. Я потом думала: а как же люди, когда читают, допустим, текст, – не

видят внутри себя сопровождающей его цветной полосы? У них всё чёрно-белое или какое вообще? Я не могла себе представить этого «голого» восприятия. И сейчас, признаться, не очень могу.

А так вообще-то цветовые – и побочные «фактурные» характеристики сопровождали моё восприятие звуков и очень рано, на третьем году, освоенных букв и цифр сколько я себя помню (осталось, например, ясное воспоминание о том, как, года в четыре, рисуя подаренным мне тогда ядовито-розовым фломастером, я чувствовала этот цвет как навязчивый звук «З»). Думаю, что такое восприятие предшествовало освоению умения читать – хотя я читаю с таких ранних пор, что теперь едва помню «добуквенное» время, – но ясно помню почти младенческое чувство того, что мамино имя – на слух нежно-зелёное, влажно-блестящее, а папино тёмно-тёмно-коричневое (сейчас сказала бы – жжёная умбра), а моё холодное-прозрачное. Всё это казалось таким же нормальным, как, например, и то, что каждой букве соответствует какой-нибудь звук, даже если мы его сию минуту не слышим. Это и до сих пор чувствуется таким же нормальным – и даже более того, теперь-то я знаю, что соответствие звуков буквам конвенционально, а соответствие цвета и звука переживается как априорное, чувство его возникает до осознания, – и оно (в отличие от алфавита) не выучивалось. Я не думаю, что это влияет на самопонимание, хотя... собственное имя всегда чувствовалось мне мучительно-холодным и скользким, и полный его вариант (имя-отчество-фамилия) дела, увы, не поправлял: ни одного горячего звука, ни одного «Р» (раскалённого кирпича). С самовосприятием это расходится, я себя чувствую человеком, скорее, горячим. В общем, ещё один источник внутреннего разлада.

Поскольку творчеством и искусством я занимаюсь только как их внимательный реципиент, то всё, на что в моём случае оказывает влияние синестезия, эта «дополнительная» линия восприятия, – это и есть жизнь в целом. Цветовые характеристики имён, слов, номеров безусловно влияют на их запоминание (проще запомнить гармонично окрашенные цифры, цвета компонентов которых хорошо сочетаются друг с другом: например, синее – тёмно-зелёное 47 [таинственным образом, светло-зелёных цифр нет! Но звуки – есть]), их переживание входит непрременной компонентой в восприятие того, к чему эти названия и номера относятся.

Штука ещё и в том, что всё это не кажется мне ни необычным – поскольку было всегда, – ни более малопонятным, чем, скажем, слух или зрение вообще. Если уж очень доискиваться особенностей – у меня есть способность вчувствоваться в людей по их почерку, представлять себе на его основе их душевное устройство и текущее состояние. Это, кажется, не очень типично.

В чем для вас кроется значение синестезии? Чему синестезия может научить других? Другими словами, что синестеты могут знать о своём внутреннем мире, окружающем или творческом, что может быть неочевидно, или даже «скрыто» от несинестетов?

Я думаю, у неё нет значения: значение имеет только то, чему оно придано. Если оно и есть, то оно совсем не кроется, а лежит на поверхности: это просто часть комплексного, многостороннего восприятия происходящего, – совершенно неотъемлемая. Если она чему-то и может научить, то разве тому, что восприятие у людей устроено непредсказуемо (а то и не очень вообразимо) различным образом, – но это мы вроде бы и так знаем.

Мне довольно сложно представить себе несинестетическое, «неокрашенное» восприятие несинестетов (при попытках его вообразить оно представляется мне обеднённым, «голым»), – так что, если тут что и скрыто, то, скорее всего, не от них, а от меня.

Как бы вы описали идеальное произведение «синестетического» искусства, или событие из жизненного опыта, которое идеально соответствует и гармонирует с вашей синестезией?

Удивительно, но таким вопросом я никогда не задавалась. Пожалуй, это что-нибудь такое, в чём смысл сказанного не диссоциирует с его цветовым обликом, а, напротив, цветовая компонента общей картины работает на смысл.

Например?

Тут можно себе представить себе, скажем, стихотворение, в котором речь, например, о чём-то страшном – и оно так подобрано фонетически, что его колористическая картина производит тревожное впечатление (преобладание тёмно-серого, коричневого, лилового, красного, например).

Каким было ваше первое знакомство с другими синестетами? Понимаете ли вы другие, отсутствующие у вас, разновидности синестезии? Какую из них вы бы хотели ощутить? (и почему?) Если бы вы могли, то какую синестезию вы хотели бы создать? Что, на ваш взгляд, делает синестезию частью искусства? «Подозреваете» ли вы синестезию у кого-либо из творческих людей, о котором неизвестно, был он синестетом или нет? Почему?

Пожалуй, я встретила с ними только в Ж[урнале] Ж[урнале] в середине двухтысячных. Полного совпадения синестетической картины мира ни с кем из тех, с кем она вообще обсуждалась, обнаружено не было, хотя «точечные» совпадения – в цвете отдельных звуков – случались. – Мне кажется, что все виды синестезии, о которых мне так или иначе известно, я вообразить могу (ну, скажем, связь зрительного восприятия геометрических фигур и телесных ощущений типа покалывания в голове, зуда в ногах... – мне не свойственно, но я себе представ-

ляю) – и мне хотелось бы ощутить их все, какие есть, – просто ради того, чтобы прожить изнутри эти человеческие возможности, узнать, как это бывает. – Первым, что пришло на ум в ответ на вопрос о создании несуществующей синестезии, была связь звуковых комплексов и чувства исторического времени: слышишь некоторый звук / совокупность звуков и оказываешься, допустим, в 1453 году.

Частью искусства делает синестезию, по моему разумению, то же, что делает его частью и другие модусы восприятия: то, что она – человеческий способ видеть мир и, значит, с ней можно работать как с художественным «сырьём». Открою секрет: я подозреваю синестезию вообще у каждого, – мне странно, что у людей её иногда не бывает (думаю – может быть, они просто не замечают или не признаются?).

Как бы вы описали совершенный, абсолютно синестетический стиль жизни или ситуацию, которая бы вошла в абсолютный резонанс с вашей синестезией, без малейшего противоречия?

Я себе не очень представляю, признаться, синестетический стиль жизни. Можно, конечно, вообразить что-нибудь вроде того, что человек (условная «я») окружает себя только носителями таких имён, такими номерами чего бы то ни было, которые бы сплошь состояли из милых его внутреннему глазу цветовых сочетаний, – но это было бы настолько искусственно, что такой ситуации придётся отказать в совершенстве.

Какое произведение искусства, обстановка или ситуация, как вы считаете, могла бы послужить идеальной демонстрацией/иллюстрацией тех разновидностей синестезии, которыми вы обладаете?

О произведении искусства не знаю, а вот ситуация... – пожалуй, запоминание телефонных номеров. Я их запоминаю как цветные полоски. Это прекрасно иллюстрирует и демонстрирует моё восприятие цифр. Так же я запоминаю имена, иногда следование этому запоминанию уводит совершенно не в ту сторону. Постоянно путаю «2» и «6» (очень похоже окрашены). Как-то вспоминала «тёмно-синюю» фамилию: Курбатов? Ковалёв? – Фамилия оказалась «Черных». «К» и «Ч» окрашены опять-таки очень похоже («Ч» – более тёмный, глубокий вариант синего), а «чёрный» цвет как значение фамилии не вспомнил вообще.

В целом насколько часто вам приходится переживать ситуации, которые входят в диссонанс или, наоборот, резонируют положительно с вашими синестетическими переживаниями?

Кажется, не так уж редко: такое бывает, например, когда симпатичный человек оказывается носителем несимпатично (или и вовсе мучительно-диссонансирующе) окрашенного имени или обладателем совершенно разухабистого в несочетаемости своих цветов номера телефона. А уж когда всё, напротив, совпадает, – то чистая радость.

Мой первый номер мобильного телефона заканчивался слащаво окрашенными, цветочными какими-то и дряблыми, расплывающимися цифрами 23–59. Ужасно не нравилось (то была эпоха, когда номера ещё нельзя было выбирать). Когда я обзавелась новым, прекрасным в своей твёрдой ясности номером, настало счастье.

Были ли у вас какие-то важные жизненные события, повлиявшие на появление и развитие вашей синестезии? Какие внешние факторы и состояния способствуют, или, напротив, подавляют ваши синестетические ощущения? Пробовали ли вы делать что-нибудь «против» своих синестетических реакций; к примеру, подавляли их проявление или пытались реагировать вразрез с ними? Если да, то как именно? Если нет, почему?

Насколько я помню, таких [важных жизненных] событий не было, синестезия была всегда: не помню времени, когда её не было. Может быть, это был доречевой период, о котором у меня совсем обрывочные воспоминания. Но событий перехода от дословности к речи я не помню.

Мне кажется, что моя синестезия всегда была одинаковой (как всегда было одинаковым восприятие соответствия звуков и букв). Случаев, когда я пыталась сделать что-то вопреки этому восприятию, я, пожалуй, не припомню (видимо, потому, что оно уж очень коренное). Хотя, пожалуй, можно счесть случаями такого типа подавление реакции на мучительно окрашенное имя человека при том, что сам человек мне симпатичен (как именно? – Просто оставляешь эту реакцию за скобками своего сознательно выстраиваемого поведения). Такое бывало.

Как, на ваш взгляд, синестезия, которую вы выражаете в своем творчестве, воспринимается окружающими? Считаете ли вы, что синестезия отстраняет вас от других, или, наоборот, помогает с ними взаимодействовать? Есть ли у вас возможность и желание еще шире использовать синестезию в своем творчестве? Стали бы Вы продолжать, даже несмотря на риск остаться непонятой?

Поскольку никакого творчества у меня нет, вся эта компонента восприятия остаётся внутри меня и ни на ком не сказывается. А поскольку в общении я с нею ничего не делаю, то она ни от кого меня не отстраняет, и если что-то и помогает, то уж, наверное, не она.

Если бы я делала с её помощью какое-то искусство, разумеется, я хотела бы продолжать, независимо от того, в какой мере это понимается, – поскольку смысл искусства (один из смыслов) всё-таки в разведывании неисхоженных путей, в выявлении невыявленных связей, – я бы это делала с исследовательскими целями.

Как вы используете свою синестезию?

Никак не использую (кроме разве запоминания номеров, имён, слов вообще...), я с ней просто живу.

Вы часто именуете себя библиофилом и даже библиофилом. Соотносите ли вы это каким-то образом с тем, что обладаете графемно-цветовой синестезией?

Я именуую себя исключительно библиофагом – пожирателем книг (библиофил – это совсем не я, он – существо гораздо более изысканное и культурно оформленное. Я же просто человек, глотающий тексты ради интенсивности жизни и от тоски по так и не полученному качественному образованию). Связи с синестетическим восприятием я тут не чувствую.

Делает ли вас ваша синестезия в чем-то более творческим человеком?

Конечно, нет, я ничего не творю, мне кажется, это отдельная группа способностей – создавать новое, а синестезия, строго говоря, – не способность, а всего лишь особенность восприятия.

Вы обладатель одного из малоизученных, да что уж там – мало описанных – разновидностей синестезии. Вы воспринимаете в цвете и других сенсорных свойствах пространства и места. То есть ощущение цвета сопровождает ваше пребывание и воспоминания о тех или иных локальностях города и не только, то что вы называете «урочища». Можете поделиться подробностями?

Конечно, – только это не совсем о цвете или даже совсем не о нём. Это скорее о свете и фактуре. «Урочища» бывают «светлые» и «тёмные», «тёплые» и «холодные», «сладкие», «горькие» и «пресные»; «простые» и «сложные»; «высокие» и «низкие»; «выпуклые», «вогнутые» и «плоские»; «складчатые» и «гладкие», «сухие» и «влажные» (тут возможна градация степеней: «сухие» – «влажные» – «сырые» – «тяжело-сырые»), «солнечные» и «пасмурные»; «прозрачные» и «дымчатые»; и, конечно, эти характеристики могут совмещаться, хотя и не обязательно все сразу. Из биографически значимых топосов: Ясенево – холодно и светло, не очень высоко, плоско и просто. ВДНХ – светло, холодно, высоко, горьковато, сложновато, плоско. Центр – светлый – с тёмными пятнами, тёплый до горячего, сложный, сладкий, с интенсивным рельефом: «складчатый» – то очень высокий, то глубоко-глубоко вогнутый, низкий (но таких частков мало). Темны и тревожны вогнутая влажная Таганка – одно из самых «тёмных» мест в Москве вообще (она даже горьковата), метро «Курская», Земляной Вал... Тепла – даже горяча – и интенсивна, сладка, но темновата в основном выпуклая, кое-где лишь плоская Тверская – светлеет на разливах площадей и приближаясь к Кремлю. Кроме того, Москва воспринимается как звук: она по-разному звучит в разных своих частях, на разных уровнях высоты. Бывают в ней места со звуками «звонкими» и «глухими», «прозрачными» и «непрозрачными», «округлыми» и «плоскими». Она звучит округло, прозрачно и звонко –

маленькими золотистыми звуками – в районе «Белорусской», вдоль Лесной улицы, Брестских улиц (и широким, объёмным голубым – в районе самого вокзала); плоско, широко и, хотя светло, но непрозрачно – в районе, скажем, Текстильщиков; глуховатым зелёным-и-золотым рассыпается – как сухими брызгами – у Павелецкого вокзала.

Если бы вы решились написать книгу или эссе о синестезии, о чем бы написали? на чем сосредоточились?

Я бы написала книгу об истории её восприятия в культуре – исследовательского и профанного, сопровождающих её мифов и домысливаний.